

ОСОБЕННОСТИ СОВЛАДАНИЯ С ПРЕДНАМЕРЕННО СОЗДАНЫМИ ТРУДНОСТЯМИ: ВОЗМОЖНОСТИ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ¹

В настоящее время имеется большое количество работ, посвященных совладающему поведению — тому, как люди преодолевают различные трудности и справляются или же не справляются с ними. Разрабатываются теоретические подходы к проблеме, изучаются способности к преодолению трудностей, конкретные стратегии, возможности обучения в данной специфической области [Анцыферова, 1994; 1999; Белинская, 2009; Крюкова, 2007; Крюкова, Куфтяк, 2007; Личность в трудных жизненных ситуациях..., 2009; Нартова-Бочавер, 1997; Совладающее поведение..., 2008; Хачатурова, 2010; Compas, 1998; Freitas, Downey, 1998; Zimmer-Gembeck, Skinner, in press]. Также во многих работах изучается специфика тех или иных трудностей, требующих преодоления (обзор см.: [Skinner, Zimmer-Gembeck, 2009]). Но при этом практически игнорируется весьма существенное, с нашей точки зрения, различие между:

- трудностями, возникающими в результате действия объективных («физических») факторов или даже, подчеркнем, в результате чьей-то деятельности, но *непреднамеренной*;
- трудностями, *преднамеренно* создаваемыми одними людьми для других в тех или иных целях.

Между тем можно обоснованно полагать, что восприятие человеком трудности, с которой он столкнулся, как такой, которая вызвана естественными, ни от кого не зависящими причинами, или же такой, которая создана для него кем-то преднамеренно, может существенно влиять на его отношение к этой трудности, эмоциональное реагирование и создаваемые (выбираемые) стратегии по-

---

¹ Работа поддержана РГНФ, проект № 10-06-00322а.

ведения. А в случае преодоления специально созданной трудности может быть важно, считает ли человек, что ее создали с конструктивными, развивающими целями или же с деструктивными.

Несмотря на кажущуюся очевидность этих противопоставлений (естественные трудности, возникшие без чьего-либо вмешательства/трудности, *намеренно* созданные другим человеком; трудности, созданные с позитивными целями/трудности, созданные с негативными целями), исследований в этой области крайне мало.

С одной стороны, подчеркивается, что особенности совладания тесно связаны с атрибутированием причин возникших проблем, отнесением этих причин к контролируемым (таким, которыми можно управлять) или же к неконтролируемым, связаны с локусом контроля и самоэффективностью [Skinner, Zimmer-Gembeck, in press]. Есть работы, в которых изучается, как приписывание причин проблемы тому или иному источнику (виновник — я, виновник — другой, причина неизвестна) связано с особенностями совладания [Gamble, 1994]; каковы особенности совладания, если причиной трудностей человек считает другого субъекта, рассматриваемого соответственно как несущего угрозу [Kliewer et al., 1998]; как происходит совладание с межличностными конфликтами разной степени остроты [Baumgartner, Strayer, 2008] и т.п.

С другой стороны, несмотря на, казалось бы, очевидный возможный переход от такого рода исследований к исследованиям целенаправленности в создании трудностей, нам не удалось найти работ, в которых изучался бы аспект воспринимаемой человеком преднамеренности созданных проблем.

При этом исследований, в которых участникам различных психологических экспериментов преднамеренно создают интеллектуальные и личностные трудности, в том числе непреодолимые, более чем достаточно. Один из ярких примеров в изучении личностной сферы — методика диагностики уровня притязаний Хоппе. По ее процедуре экспериментатор создает для испытуемого искусственные трудности — например, дает задачи очень сложные или даже не имеющие решения, причем в условиях дефицита времени. Независимо от результатов он может сообщать испытуемому, что задача решена неверно, изучая способы реагирования личности в этой ситуации. Так, при экспериментальном формировании реакции капитуляции у подростков с использованием вполне решаемых матриц Равена «ни одно из решений, данных испытуемыми,

не оценивалось экспериментатором как верное, кроме того, на решение каждой задачи отводилось такое количество времени, за которое решить ее было невозможно¹. Таким образом, создавалась внутренняя напряженность, рано или поздно приводящая к отказу от выполняемой деятельности. После окончательного отказа в психопрофилактических целях создавалась ситуация успеха на том же стимульном материале и сообщалось о хороших результатах по фактору интеллекта теста Кеттелла, вне зависимости от реальных результатов» [Дымшиц и др., 1991, с. 51–52]. Такие примеры можно продолжать.

Но опять-таки, несмотря на обилие экспериментов, в которых участникам создаются те или иные трудности, крайне мало работ, в которых сравнивались бы мышление, эмоции, поведение человека в ситуациях, когда он приписывает причины этих трудностей: а) преднамеренным действиям другого человека; б) ни от кого не зависящим причинам и стечению обстоятельств.

Собственно, нам известно только одно исследование такого рода, проведенное с использованием своеобразного игрового автомата. В этом эксперименте изучались поведенческие реакции на: а) ситуацию естественного риска, связанного с игрой ни от кого не зависящих случайностей; б) ситуацию так называемого социального риска — риска быть обманутым другим человеком. Остроумный эксперимент, проведенный Д. Наканиши и Ё. Оцубо, состоял из двух серий. В обеих сериях на экране компьютера перед испытуемым высвечивались изображения четырех кнопок, которые он мог в той или иной последовательности выбирать, стараясь добиться максимальной денежной прибыли. Выбор кнопки приводил либо к приращению исходного капитала, либо к убыткам, всего можно было осуществить 100 выборов (т.е. это был своеобразный игровой

---

¹ Мне известен случай, когда студент-психолог, проводивший эксперимент по этой методике, в соответствии с процедурой сообщил испытуемому, что тот неправильно решил задачу, хотя она была решена верно. Испытуемый, хороший математик, с искренней доброжелательностью сказал экспериментатору, что у того, видимо, ошибка в списке ответов и доказал правильность своего решения. Этот пример интересен тем, что трудность, созданная специально, была интерпретирована человеком иначе — как возникшая случайно, без чьего-либо намерения, и он был доволен, что с его помощью ошибка, попавшая в методику, будет устранена. (По современным этическим нормам проведения исследования, рекомендуемым не лгать участникам, методика Хоппе, разработанная в 30-х годах XX в., этически безупречна.)

автомат). В ходе эксперимента программа генерировала сообщения о выигрышах и проигрышах разной величины, последовавших за выбором той или иной кнопки, в соответствии с заранее заданным квазислучайным распределением вероятностей — своим для каждой кнопки, о котором испытуемому не было известно. По результатам эксперимента участнику выплачивалось реальное денежное вознаграждение, зависевшее от успешности этих выборов. Различие между сериями было следующим.

В первой, «природно-климатической» серии испытуемым говорили, что выбор той или иной кнопки означает заключение контракта с одной из *ферм*, находящихся в разных климатических условиях и соответственно приносящих то доход, то убыток в зависимости от обстоятельств.

В другой, «социально-психологической» серии испытуемым говорили, что выбор кнопки означает заключение контракта с одним из *фермеров* и что кто-то из них может время от времени обманывать, вводя испытуемого в убытки.

При этом объективно в обеих сериях использовалось одна и та же программа предъявления кнопок на экране и распределения «ролей» между кнопками. Кнопки А и В были в среднем одинаково проигрышными, хотя часто приносили очень неплохие текущие выигрыши. Однако эти выигрыши терялись либо при нескольких более крупных проигрышах (на первой кнопке), либо только при одном, но уже катастрофически крупном проигрыше в 500 денежных единиц (на второй кнопке). Кнопки С и D были в среднем выигрышными. Это достигалось за счет того, что хотя обе кнопки приносили относительно мелкие текущие прибавки, зато и проигрыши были в среднем еще меньше.

Оказалось, что участники «социально-психологической» и «природно-климатической» серий по-разному реагируют на одни и те же события в ходе эксперимента — хотя объективно они имели дело всего лишь с теми же кнопками в окне той же программы. Основное обнаруженное различие: участники «социально-психологической» серии после крупной потери в 500 денежных единиц, приписываемой нечестности партнера, значительно дольше избегали обращаться к кнопке, вызвавшей этот эффект, чем участники якобы «природно-климатической» серии, пережившие такую же потерю на этой же кнопке, но считающие это следствием естественных, ни от кого не зависящих причин [Nakanishi, Ohtsubo, 2008].

Подчеркнем: если бы участники основывались на чисто рациональном учете вероятностей выигрышей и проигрышей, наблюдаемых ими на разных кнопках, они должны были использовать и одинаковые стратегии в обеих сериях. Но представление участников о том, что субъект, который заключил с ними соглашение, затем их преднамеренно обманул, чтобы получить экономическую выгоду, побуждало действовать в данной серии иначе, чем в «природно-климатической».

Тем самым в данном исследовании получены экспериментальные данные, подтверждающие идею о том, что стратегии поведения человека различаются в случае, когда он считает, что его деятельности преднамеренно мешают; и в случае, когда он приписывает возникающие неудачи естественным причинам.

Однако авторы ставят проблему и обсуждают результаты не в терминах совладающего поведения, а в терминах естественного (случайного) и социального риска (риска быть обманутым), а также в терминах различия рассуждений человека в естественных, «природных» условиях и в условиях заключенного социального контракта. Основной полученный эмпирический результат — участники осуществляют переход на стратегии избегания в ситуации социального риска (риска обманного нарушения контракта) при угрозе финансовых потерь.

Но с нашей точки зрения, представляет интерес более широкая проблема — *потенциальные различия всего спектра копинг-стратегий при столкновении с трудностями, возникшими без чьего-либо вмешательства, и трудностями, созданными преднамеренно, в широком спектре значимых для человека ситуаций.*

Для изучения этой проблемы мы осуществили следующее пилотажное эмпирическое исследование-опрос.

Методика

Процедура

Респондентам предлагалось заполнить следующий опросник.

«Мы изучаем, как люди справляются (или пытаются справиться) с различными трудными ситуациями, возникающими в их жизни. Мы будем очень признательны, если Вы ответите на 2 блока вопросов.

Блок 1.

Была ли в Вашей жизни трудная ситуация, возникшая без чьей-то вины, в которую Вы попали в силу стечения обстоятельств? (да/нет).

Если да, что это была за ситуация? (ответ по желанию)

Опишите, пожалуйста, как Вы с этой ситуацией справились (справляетесь), используя приведенные ниже утверждения».

Далее респондентам предлагались 50 утверждений из «Опросника способов совладания Р. Лазаруса и С. Фолкмана», адаптированного Т.Л. Крюковой, Е.В. Куфтяк, М.С. Замышляевой [Крюкова, 2007]. Напротив каждого утверждения, описывающего ту или иную стратегию (например, «стоял на своем и боролся за то, чего хотел»), респондент должен был поставить число от 0 до 3, обозначающее частоту ее использования (0 — никогда, 1 — редко, 2 — иногда, 3 — часто).

«Блок 2.

Была ли в Вашей жизни трудная ситуация, в которую Вы попали из-за того, что кто-то создал ее преднамеренно — для того, чтобы Вы столкнулись с трудностями? (да/нет)

Если да, что это была за ситуация? (ответ по желанию)

Опишите, пожалуйста, как Вы с этой ситуацией справились (справляетесь)».

Далее респондентам предлагались те же 50 утверждений из «Опросника способов совладания».

В случае если респондент отвечал, что он не сталкивался в своей жизни ни с трудностями, возникшими без чьей-либо вины, ни с преднамеренно созданными трудностями, ему предлагалось мысленно представить соответствующую ситуацию и ответить так, как он, по его мнению, действовал бы в ней. Данное предложение, задающее еще одно измерение сравнения и анализа (реальные — воображаемые ситуации), а также позволяющее более полно использовать возможности рефлексии всех участников, внесено М.Р. Хачатуровой.

Что касается выбора «Опросника способов совладания Р. Лазаруса и С. Фолкмана», включенного в методику, в дальнейшем мы планируем использовать и проверить не только его, а большинство активно применяемых опросников совладающего поведения и сравнить полученные результаты на предмет различий ответов в блоке 1 (трудности, возникшие без чьей-либо вины и чужого вмешательства) и 2 (преднамеренно созданные трудности). В данном же пилотажном исследовании мы остановились именно на «Опроснике способов совладания» по следующим причинам. Он относится к опросникам, ориентированным на особенности ситуации

(в отличие, например, от опросников, диагностирующих устойчивые, не зависящие от ситуации стили копинга, которые связаны с личностными чертами человека [Крюкова, 2007]), а для нас важна чувствительность исследовательского инструмента по отношению к разным ситуациям. Кроме того, в измеряемые шкалы этого опросника входит шкала конфронтационного копинга («агрессивные действия по изменению ситуации, определенная степень враждебности»), что может быть важно для оценки поведения в ситуациях преднамеренно созданных трудностей.

Помимо этого опросник включает шкалы, диагностирующие следующие стратегии: дистанцирование (когнитивные усилия отделиться от ситуации и уменьшить ее значимость); самоконтроль (усилия по регулированию своих чувств и действий); поиск социальной поддержки (усилия в поиске информационной, действительной и эмоциональной поддержки от других людей); принятие ответственности (признание своей роли в проблеме с сопутствующей темой попыток ее решения); бегство-избегание (мысленное стремление и поведенческие усилия, направленные к бегству или избеганию проблемы); планирование решения проблемы (произвольные, специально предпринятые проблемно-фокусированные усилия по изменению ситуации, включающие аналитический подход к решению проблемы); положительная переоценка (усилия по созданию положительного смысла ситуации с фокусированием на росте собственной личности, включая также религиозное измерение) [Там же, с. 14–15].

Обработка данных

Заполненные опросники классифицируются по четырем группам, в которых:

1) респондент подтвердил, что в его жизни были трудности обоих типов — и трудности, возникшие без чьего-либо вмешательства, и трудности, созданные кем-то преднамеренно;

2) респондент подтвердил, что в его жизни были трудности, возникшие без чьего-либо вмешательства, но ответил отрицательно на вопрос о столкновении с трудностями, созданными преднамеренно;

3) респондент подтвердил, что в его жизни были трудности, преднамеренно созданные кем-то, но ответил отрицательно на вопрос о столкновении с трудностями, возникшими без чьего-либо вмешательства;

4) респондент ответил, что не сталкивался в своей жизни ни с тем, ни с другим типом трудностей, и заполнил опросник для соответствующих воображаемых ситуаций.

В группе опросников, в которых заполнены оба блока (для реальных или же воображаемых ситуаций), рассчитываются следующие показатели:

1) средний уровень использования (в процентилях) каждой из восьми стратегий для а) трудностей, возникших без чьего-либо вмешательства; б) преднамеренно созданных трудностей;

2) число переключений на бóльшую частоту использования каждой из стратегий при столкновении с трудностями, созданными преднамеренно;

3) число переключений на меньшую частоту использования каждой из стратегий при столкновении с трудностями, созданными преднамеренно;

4) число случаев сохранения частоты неизменной в обоих типах ситуаций;

5) коэффициент вариативности стратегии: отношение числа переключений на иную частоту использования стратегии при столкновении с трудностями, созданными преднамеренно, к общему числу ответов (и измененных, и неизменных) по данной стратегии; диапазон значений коэффициента — от 0 до 1. Если коэффициент вариативности для какой-то стратегии равен нулю, это означает, что частота использования данной стратегии не зависит от типа трудности. Но чем больше отличий ответов по этой стратегии имеется между 1-м и 2-м блоками, тем коэффициент больше, что означает бóльшую зависимость данной стратегии от типа трудности. Максимально возможная величина коэффициента вариативности равна 1 — она означает, что при столкновении с преднамеренно созданными трудностями частоты использования стратегий изменены респондентом во всех ответах. Величина коэффициента вариативности, большая 0,5, означает, что при столкновении с преднамеренно созданными трудностями частоты использования стратегий изменены респондентом в большинстве ответов; величина коэффициента вариативности, меньшая 0,5, означает, что при столкновении с преднамеренно созданными трудностями частоты использования стратегий изменены респондентом в меньшинстве ответов.

В группе опросников, в которых заполнен только один блок вопросов (а столкновение с другим типом трудностей респонденты

не подтвердили), рассчитывается средний уровень использования (в процентиллях) каждой из восьми стратегий.

Процедура расчета уровня стратегий в процентиллях стандартная (суммируются баллы по каждой шкале, полученное число делится на максимально возможный балл по этой шкале и умножается на 100%) — за одним исключением. Мы исключили из общего анализа ответ № 38 опросника («вымещал это на других людях») из-за неоднозначности его интерпретации в ситуации столкновения с трудностями, возникшими без чьей-либо вины, и преднамеренно созданными трудностями. По стандартной процедуре этот ответ относится к шкале «бегство-избегание». Действительно, если в возникших трудностях никто не виноват, а человек вымещает проблему на других людях, вместо того чтобы ее решать, это может быть интерпретировано как избегание решения. Но если проблема создана кем-то преднамеренно, ответ «вымещал это на других людях» может означать конфронтационный копинг — например, если эти другие люди имеют отношение к виновнику возникшей проблемы. Так, в автобиографической книге «Похороните меня за плинтусом» кинорежиссер и писатель П. Санаев описывает ситуацию, когда он и его приятель, будучи в пионерском лагере, не могли прямо отомстить терроризировавшему их более сильному подростку, и тогда они подложили лягушку в кровать девочке, которая нравилась обидчику. Эту опосредованную месть обидчику можно квалифицировать именно как конфронтационный копинг — враждебность и агрессивные действия по изменению ситуации. Такие ситуации в жизни не так уж редки. Поэтому ответ № 38 был исключен из общего рассмотрения и рассматривался отдельно, а максимально возможная сумма баллов по шкале «избегание» была соответственно уменьшена на 3 балла.

Участники: 42 студента-психолога 1-го курса, 16–20 лет (38 девушек, 4 юношей).

Результаты

13 человек (все девушки) ответили, что в их жизни не было преднамеренно созданных кем-то трудностей, а трудности, возникшие по стечению обстоятельств, были. Среди таких трудных ситуаций указывались несчастные случаи, естественная смерть пожилых родственников, а также конфликтные социальные ситуации, которые, однако, респондент не рассматривал как созданные преднамеренно (конфликт с подругой, расставание с молодым человеком из-за трудностей совместного проживания и т.п.).

5 человек (4 девушки, 1 юноша) ответили, что они сталкивались с преднамеренно созданными трудностями, и при этом им не приходилось встречаться с трудностями, возникшими без чьей-либо вины. Это не значит, что они видят преднамеренный подвох в любой возникшей трудной ситуации. Вполне возможно, они считают, что некоторую часть трудностей создали невольно другие люди, а часть респондент создал себе сам, без чьих-либо специальных усилий. Но в любом случае это представляется особым взглядом на мир некоторой части респондентов — когда в любых трудностях кто-то да является вольной или невольной причиной: либо другие, либо я.

Среди трудных ситуаций, созданных преднамеренно, эти респонденты указывали и деструктивные трудности (преследования в школе; сознательная ложь учителя, чтобы поссорить одноклассников), и конструктивные (обучение в учебном заведении со сложной программой).

14 человек (12 девушек, 2 юноши) ответили, что сталкивались с обоими типами трудностей. Так же, как и в предыдущей группе, среди трудных ситуаций, созданных преднамеренно, были указаны и деструктивные трудности (например, ограбление и попытки справиться с его последствиями), и конструктивные (напряженные тренировки в спортивном лагере).

10 человек (9 девушек, 1 юноша) ответили, что не сталкивались ни с тем, ни с другим типом трудностей, и заполнили опросник для воображаемой ситуации.

Опишем результаты в этих подгруппах (табл. 1).

Можно видеть, что в самой многочисленной группе респондентов, ответивших, что они сталкивались с обоими типами трудностей, средние уровни совладания с естественными трудностями и трудностями, созданными преднамеренно, различаются не очень сильно внутри той или иной стратегии. Но на самом деле близостью средних маскируется важный факт, обнаруживаемый при сравнении коэффициентов вариативности разных стратегий. Хотя средний уровень той или иной стратегии по группе при переходе на другой тип трудностей меняется незначительно, но значительно возрастают «метания» внутри группы при использовании некоторых стратегий — в отличие от других стратегий, частоты использования которых меняются намного меньше (табл. 2).

Таблица 1

Уровень копинга (в процентах к максимально возможному) в подгруппах участников

Тип копинга	Уровень копинга респондентов, ответивших							
	о реальных ситуациях				о воображаемых ситуациях			
	и ЕТ, и ССТ		k		только ЕТ		только ССТ	
	ЕТ	ССТ	k	ЕТ	ССТ	ЕТ	ССТ	k
Конфронтационный	46	51	0,63	56	44	44	49	0,38
Дистанцирование	48	48	0,57	43	49	48	47	0,55
Самоконтроль	62	71	0,47	57	64	60	57	0,44
Поиск социальной поддержки	63	59	0,61	65	44	60	56	0,38
Принятие ответственности	49	48	0,68	46	43	63	55	0,47
Бегство-избегание	50	49	0,4	49	55	50	43	0,44
Планирование решения проблемы	62	67	0,58	59	57	55	57	0,4
Положительная переоценка	61	65	0,45	59	52	52	59	0,47

Примечание. ЕТ — естественные трудности, ССТ — специально созданные трудности, k — коэффициент вариативности стратегии при переходе на другой тип трудностей.

Таблица 2

Значимые различия в доле измененных ответов при столкновении с преднамеренно созданными трудностями для разных типов копинга (реальные ситуации)

Тип копинга		Принятие ответственности	Бегство-избегание	Планирование решения проблемы	Положительная переоценка
	<i>k</i>	0,68	0,4	0,58	0,45
Конфронтационный	0,63		3,16		2,47
Дистанцирование	0,57		2,35		
Самоконтроль	0,47	2,55			
Поиск социальной поддержки	0,61		2,83		
Принятие ответственности	0,68		3,4		2,79
Бегство-избегание	0,4			2,51	

Примечание. *k* — коэффициент вариативности, в ячейках — значения *F*-критерия Фишера при $p < 0,01$, указаны только стратегии, для которых выявлены значимые различия.

Можно видеть, что высокие, значимо отличающиеся коэффициенты вариативности при столкновении с преднамеренно созданными трудностями имеют стратегии «принятие ответственности» (0,68) и «конфронтационный копинг» (0,63), низкие — «бегство-избегание» (0,4) и «положительная переоценка» (0,45).

Итак, есть стратегии копинга, частоты использования которых значительно меняются при переходе от естественных, ни от кого не зависящих трудностей, к преднамеренно созданным, и есть стратегии копинга, частоты использования которых меняются незначительно. Тем самым даже на небольшой выборке подтверждается наша гипотеза, что использование разных стратегий совладания различается в случаях столкновения с ни от кого не зависящими трудностями и трудностями, созданными кем-то преднамеренно.

Интересно, что в группе респондентов, ответивших, что они не сталкивались ни с тем, ни с другим типом трудностей, и заполнивших опросник, вообразив соответствующие ситуации, диапазон и распределение коэффициентов вариативности иные. Диапазон коэффициентов вариативности для реальных ситуаций равен 0,28 (от 0,4 до 0,68), для воображаемых ситуаций он меньше и составляет 0,17 (от 0,38 до 0,55), при том что в первой группе больше респондентов, а именно на больших выборках, по закону больших чисел, индивидуальные различия должны нивелироваться, внося все меньший вклад. Структура значимых различий между коэффициентами вариативности также иная. Различий, значимых на уровне 0,01, не обнаружено (что объяснимо меньшим объемом выборки), и имеется три различия, значимых на уровне 0,05: в воображаемых ситуациях коэффициент вариативности конфронтационного копинга минимален ($k = 0,38$) и значимо меньше коэффициента вариативности воображаемого копинга-дистанцирования ($k = 0,55$). При ответах же о реальных ситуациях коэффициент вариативности конфронтационного копинга, наоборот, был близок к максимальному — 0,63 (различия между долями измененных ответов о конфронтационном копинге в воображаемых и реальных ситуациях статистически значимы, $p < 0,01$, критерий χ^2 двусторонний).

В воображаемых ситуациях также минимальны и значимо отличаются от копинга-дистанцирования коэффициенты вариативности поиска социальной поддержки ($k = 0,38$) и планирования решения проблемы ($k = 0,4$). В ответах же о реальных ситуациях два последних коэффициента, наоборот, близки к максимальным: для поиска социальной поддержки коэффициент составляет 0,61 (различия между долей измененных ответов в воображаемых и реальных ситуациях статистически значимы, $p < 0,01$, χ^2 двусторонний), для планирования решения проблемы он равен 0,58 (различия между долей измененных ответов в воображаемых и реальных ситуациях статистически значимы, $p < 0,05$, χ^2 двусторонний).

Это лишь тенденции, но они могут свидетельствовать о том, что люди, считающие, что они реально сталкивались с обоими типами ситуаций, и люди, считающие, что не сталкивались ни с одним и лишь представляющие их в воображении, имеют существенно разные представления о способах совладания в них. При этом внутри каждой из групп имелись свои значимые различия между использованием стратегий совладания в случаях столкновения с ни

от кого не зависящими трудностями и трудностями, созданными кем-то преднамеренно.

Что касается подгрупп респондентов, ответивших, что они сталкивались только с одним типом трудностей, строгий анализ различий между ними на настоящий момент затруднен из-за малого объема выборки тех, кто ответил, что столкнулся только с преднамеренно созданными трудностями (5 человек). Но в качестве парадоксального факта, заслуживающего тщательной проверки, следует отметить низкий уровень конфронтационного копинга в этой подгруппе ($k = 0,44$) — такой же низкий, как и уровень поиска социальной поддержки, в отличие от группы респондентов, ответивших, что сталкивались только с ни от кого не зависящими трудностями: у них выше уровень и конфронтационного копинга ($k = 0,56$), и уровень поиска социальной поддержки ($k = 0,65$).

Выводы

1. Хотя это не констатируется в психологической литературе, люди рефлексируют различия между ситуациями столкновения с ни от кого не зависящими трудностями и трудностями, созданными кем-то преднамеренно.

2. В проведенном эмпирическом исследовании удалось выявить четыре группы людей, которые считают, что они:

- сталкивались с трудностями обоих типов;
- сталкивались только с ни от кого не зависящими трудностями;
- сталкивались только с преднамеренно созданными трудностями;
- не сталкивались ни с одним из этих типов трудностей.

3. Использование разных стратегий совладания различается в случаях столкновения с ни от кого не зависящими трудностями и трудностями, созданными кем-то преднамеренно. Имеются стратегии копинга, частоты использования которых значительно меняются при переходе от одного типа трудностей к другому, — эти стратегии сильнее зависят от типа трудностей; и есть стратегии копинга, частоты использования которых меняются незначительно, — эти стратегии меньше зависят от типа трудностей.

4. Люди, считающие, что они реально сталкивались с обоими типами трудностей, и люди, считающие, что не сталкивались ни с одним и лишь представляющие их в воображении, имеют существ-

венно разные представления о способах совладания в них. При этом внутри каждой из групп имеются свои значимые различия между использованием стратегий совладания в случаях столкновения с ни от кого не зависящими трудностями и трудностями, созданными кем-то преднамеренно.

В дальнейших исследованиях мы планируем эмпирически проверить выдвинутую нами ранее гипотезу о том, что способности и компетентность по преодолению а) объективных трудностей и б) трудностей, специально созданных кем-то, имеют разную структуру. Эти способности и компетентности могут быть связаны между собой неоднозначными, в том числе отрицательными связями — человек, успешно справляющийся с объективными трудностями, может пасовать перед трудностями, созданными кем-то преднамеренно, и наоборот [Поддяков, 2008; Poddiakov, 2005]. Изучение этих вопросов может оказаться существенно важным для понимания многих социальных процессов.

Литература

Анциферова Л.И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысливание, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал. 1994. № 1. С. 3—18.

Анциферова Л.И. Способность личности к преодолению деформаций своего развития // Психологический журнал. 1999. № 1. С. 6—19.

Белинская Е.П. Совладание как социально-психологическая проблема // Психологические исследования. Электронный журнал. 2009. № 1 (3) <<http://www.psystudy.ru/index.php/num/2009n1-3/54-belinskaya3.html>>.

Дымищ М.Н., Куличенко Т.В., Коростелева И.С. Психологические факторы устойчивости к реакции капитуляции у подростков // Вопросы психологии. 1991. № 6. С. 50—57.

Крюкова Т.Л. Методы изучения совладающего поведения: три копинг-шкалы. Кострома: Авантитул, 2007.

Крюкова Т.Л., Куфтяк Е.В. Опросник способов совладания (адаптация методики WCQ) // Журнал практического психолога. 2007. № 3. С. 93—11.

Личность в трудных жизненных ситуациях как актуальное научное направление копинг-исследований в России. Материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Омск: Изд-во ОГУ, 2009.

Нартова-Бочавер С.К. «Coping behavior» в системе понятий психологии личности // Психологический журнал. 1997. Т. 18. № 5. С. 20–30.

Поддьяков А.Н. Преднамеренное создание трудностей и совладание с ними // Психологические исследования. Электронный журнал. 2008. № 1 <<http://www.psystudy.ru/index.php/num/2008n1-1.html>>.

Совладающее поведение: современное состояние и перспективы / под ред. А.Л. Журавлева, Т.Л. Крюковой, Е.А. Сергиенко. М.: Ин-т психологии РАН, 2008.

Baumgartner E., Strayer F.F. Beyond Fight or Flight: Developmental Changes in Children's Coping with Peer Conflict // Acta Ethologica. 2008. Vol. 11. P. 16–25.

Compas B.E. An Agenda for Coping Research and Theory: Basic and Applied Developmental Issues // International Journal of Behavioral Development. 1998. Vol. 22 (2). P. 231–237.

Gamble W.C. Perceptions of Controllability and Other Stressor Event Characteristics As Determinants of Coping among Young Adolescents and Young Adults // Journal of Youth and Adolescence. 1994. Vol. 23. P. 65–84.

Freitas A.L., Downey G. Resilience: A Dynamic Perspective // International Journal of Behavioral Development. 1998. Vol. 22 (2). P. 263–285.

Kliwer W., Fearnow M D., Walton M.N. Dispositional, Environmental, and Context-specific Predictors of Children's Threat Perceptions in Everyday Stressful Situations // Journal of Youth and Adolescence. 1998. Vol. 27 (1). P. 83–100.

Nakanishi D., Ohtsubo Y. Do People React Differently to Natural and Social Risk? // Journal of Social, Evolutionary, and Cultural Psychology. 2008. Vol. 2 (3). P. 122–132 <http://www.jsecjournal.com/articles/volume2/issue3/JSEC2-3_Nakanishi.pdf>.

Poddiakov A. Coping with Problems Created by Others: Directions of development // Culture & Psychology. 2005. Vol. 11 (2). P. 227–240.

Skinner E.A., Zimmer-Gembeck M.J. Challenges to the Developmental Study of Coping // Coping and the Development of Regulation. New Directions for Child and Adolescent Development / E.A. Skinner, M.J. Zimmer-Gembeck (eds). Vol. 124. San Francisco: Jossey-Bass, 2009. P. 5–17.

Skinner E.A., Zimmer-Gembeck M.J. Perceived Control, Coping, and Development // Oxford Handbook of Stress, Health, and Coping / S. Folkman (ed.). Oxford: Oxford University Press, Great Britain (in press).

Zimmer-Gembeck M.J., Skinner E.A. The Development of Coping Across Childhood and Adolescence: An Integrative Review and Critique of Research // International Journal of Behavioral Development (in press).

© Поддьяков А.Н., 2012